

ПОЛТАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 21.

1863.

Ноября 1.

УЧАСТІЕ ДУХОВЕНСТВА ВЪ СВЕРЖЕНІИ ИГА МОНГОЛЬСКАГО И ВЪ ТОРЖЕСТВѢ НАДЪ ПОРАБОТИТЕЛЯМИ.

Когда усиліями Московскихъ Князей и усерднымъ со-
дѣйствіемъ духовенства всѣ русскія княжества соединены
были въ государство сильное, могущественное и единодер-
жавное, тогда можно уже было приступить къ сверженію
тяжкаго и поноснаго ига. Пастыри русской Церкви узрѣ-
ли это вождельное время и, указавъ Вѣнценосцу, своими
совѣтами и ободреніями укрѣпили его на спасеніе отече-
ства отъ поработителей. Это было во времена Іоанна III.
И прежде были попытки къ освобоженію отъ рабства, и
попытки блистательныя. Хотя они не привели къ рѣшитель-
ному сверженію ига, но имѣли много благодѣтельныхъ по-
слѣдствій, проложили путь къ окончательному освобожде-
нію Россіи отъ Монголовъ. По этому онъ заслуживаютъ
полнаго нашего вниманія.

Съ самаго времени порабоженія Россіи Монголами мысль
о сверженіи ихъ тяжкаго ига не переставала услаждать бѣд-

ствія русскихъ. Съ твердымъ упованіемъ они ожидали этого счастливаго времени: но оно наступило не скоро. Силы Россіи, разоренной и опустошенной врагами внутренними и внѣшними, были разрознены, слабы; а могущество Монголовъ было велико, силы ихъ казались неистощимыми и непобѣдимыми. Князья видѣли это и съ терпѣніемъ несли тяжкое иго невѣрныхъ, утѣшая себя надеждою будущаго, хотя и отдаленнаго, спасенія. Всѣ сословія народа русскаго раздѣляли эту жажду избавленія отъ ига, пытались тою же утѣшительною надеждою. Духовенство, неменьше, если не болѣе прочихъ сословій, помышляло объ этомъ: хотя оно и не несло всѣхъ тяжестей ига, но не менѣе другихъ тяготилось имъ; оно болѣло сердцемъ, видя тѣ бѣдствія, которымъ подвергалась паства отъ насилія невѣрныхъ; оно трепетало за цѣлость и свободу государства, которымъ грозило совершенное уничтоженіе; оно могло опасаться и за цѣлость святой Вѣры православной, потому, что Монголы, по обращеніи въ магометанство, не рѣдко обнаруживали желаніе и дѣлали попытки обращать русскихъ въ исламизмъ.¹ Поэтому духовенство вполне сочувствовало общему стремленію къ вождельному освобожденію отъ ига и съ усердіемъ готовило средства и способы, дѣятельно располагало къ этому мысли князей. Въ царствованіе Димитрія Юанновича Россія значительно окрѣпла, Москва возвысилась надъ всѣми княжествами русскими; Вел. Князь могъ располагать большими военными силами; а между тѣмъ Орда страдала отъ междоусобій, дробилась на отдѣльныя части и безсилъла. Время для возстанія противъ поработителей было

---

¹ Напр. Шелканъ, посоль Узбека, въ Твери хотѣлъ «обратить жителей въ бесерменскую вѣру.» Соф. вр. ч. I стр. 316. Воскр. дѣт. 2 стр. 300.

самое удобное Митрополитъ Алексій первый началъ говорить Князю объ этомъ; но мысль о непобѣдимости поработителей, от ихъ непреоборимой силы сдерживала самыхъ предприимчивыхъ, приводила въ нерѣшительность самыхъ безстрашныхъ и пламенныхъ искателей свободы. Вел. Князь началъ очень благоразумно готовить Русскихъ къ возстанію и постепенно, мало по малу—побѣдами въ частныхъ схваткахъ съ Монголами, разрушалъ очарованіе, тяготѣвшее надъ умами Русскихъ, ниспровергалъ мысль о непобѣдимости побѣдителей. Въ этомъ отношеніи весьма важное вліяніе на духъ народа произвела побѣда надъ Монголами на Вождь, одержанная подъ личнымъ предводительствомъ Вел. Князя въ 1378 г. Августа 11-го. Это была первая побѣда, одержанная Русскими надъ Монголами съ самаго времени порабоженія Россіи,² и—побѣда блистательная. Она ободрила духъ русскаго народа и до крайности раздражила Монголовъ: Мамай, правившій въ то время Большою Ордою, сталъ собирать большія силы, чтобы смирить Русскихъ. Съ своей стороны и Димитрій Іоанновичъ видѣлъ, что рѣшительная битва съ Монголами неизбежна и дѣятельно сталъ готовиться къ ней. Удѣльные Князья, одушевляемые пламенною любовію къ свободѣ отечества, не замедлили присоединиться къ Вел. Князю съ своими войсками. Окончивъ военныя приготовленія, Димитрій Іоанновичъ съ своимъ братомъ, Князьями и Воеводами отправился въ монастырь Пр. Сергія, чтобы получить отъ этого святаго мужа благословеніе на ополченіе. Преподобный окропилъ Вел. Князя и бывшихъ съ нимъ воеводъ святою водою, благословилъ ихъ на спасеніе отчизны, ободрилъ и укрѣпилъ пророчествомъ о побѣдѣ и далъ имъ двухъ иноковъ въ сподвижники—Алек-

² Карамзина т. V стр. 6, 11, 20 и 28, изд. Эйнерлинга.

сандра Пересвѣта и Ослябя.³ Войска Дмитрія подъ личнымъ его предводительствомъ выступили изъ Москвы, напутствуемыя Духовенствомъ съ крестами и чудотворными иконами и на пути получили еще благословіе хоть Коломенскаго Епископа Герасима. На берегахъ Дона въ самую рѣшительную минуту — предъ началомъ битвы — войско русское, смущенное многочисленностію рати Мамаевой, было ободрено посланіемъ преподобнаго Сергія, въ которомъ онъ повторялъ прежнее свое пророчество, коимъ побѣдѣнныя укрѣплялъ Вел. Князя на битву за свободу Россіи. ⁴ Съ вѣрою въ пророчество Преподобнаго, съ безстрашнымъ самоотверженіемъ ринулась въ битву съ Монголами рать московская и союзныхъ Князей и послѣ долгаго, вѣдороднаго и кровопролитнаго боя, одержала полную побѣду. Татары обратились въ бѣгство и самъ Мамай, пораженный ужасомъ, воскликнулъ: «великъ Богъ Христіанскій!» и также въ бѣгствѣ искалъ спасенія. Велика была потеря Русскихъ (изъ 150—200,000 войска осталось только, по словамъ летописца 40,000); но гораздо болѣе и важнѣе были выгоды, пріобрѣтенныя посредствомъ побѣды. Конечно битва и побѣда Куликовская не принесла Россіи совершеннаго освобожден-

³ Никон. лѣт. ч. IV стр. 99 и 100.

⁴ Сколь велико было влияніе свят. Сергія на духъ Дмитрія Ивановича и на его предприимчивость — показываетъ слѣдующее обстоятельство. Олегъ Рязанскій, намѣнявшій Дмитрію и соединившійся съ Мамаемъ, спрашивалъ у своихъ бояръ: «откуда Дмитрію така отважность!» — они единогласно отвѣчали: «въ его области есть нѣкоторый монахъ Сергій, иже пророчество отъ Бога имѣя, и той монахъ вооружилъ его и повелъ ему идти противу Мамаю.» И Олегъ, услышавъ сіе, устранился и вострепетавъ зло. Церк. ист. Платона ч. I стр. 209. т. I стр. 209.

она отъ ога монгольскаго, ино зато она послужила шагомъ къ свободѣ. Она пробудила мысль о возможности избавленія отъ ига; она увѣрила Русскихъ, что они въ силахъ бороться съ поработителями и побѣдить ихъ. Вскорѣ послѣ этой блистательной побѣды Орда вновь усилилась подъ владычествомъ Тохтамыша, который опустошительнымъ своимъ нашествіемъ на Россію и разрушеніемъ Москвы опять подчинилъ ее власти монгольской.

Впукъ Донскаго Василий Васильевичъ и среди смуты внутреннихъ, и среди борьбы съ дядею и братьями за великое княженіе, неустрашимо воевалъ съ Монголами. Усерднѣйшимъ помощникомъ ему былъ еп. Митрополитъ Юна; своимъ нравственнымъ вліяніемъ на всѣхъ удѣльныхъ князей онъ заставлялъ ихъ принимать участіе въ предпріятіяхъ Великаго Князя. Онъ дѣйствовалъ убѣжденіями и самъ непосредственно чрезъ подвѣдомыхъ ему пастырей Церкви русской. Такъ (въ 1451 году) онъ писалъ къ Тверскому Епископу Исаіи, чтобы онъ со томъ сыну его Тверскому князю Борису Александровичу говорилъ и билъ челомъ, подучалъ твердо, чтобы князь Борисъ къ Великому князю Василию Васильевичу своихъ воеводъ послалъ и патъхъ безбожныхъ (Татаръ) съ своими со многими людьми; повелѣвалъ Исаіи молиться, чтобы Богъ и дасть Великому князю дерзость великую и помощь на поганыхъ, на войскамъ, для ободренія ихъ, и объявить, что тѣ которые падуть въ битви, получаютъ вѣщью мученическіе, и потому что идутъ иражаться за свягую Вѣру и свободу отечества.⁵ Долго боролся съ Монголами Василий Васильевичъ; неоднократно побѣждалъ ихъ, но разъ и самъ терпѣлъ отъ нихъ пораженіе, даже взятъ былъ однажды въ плѣнъ; видѣлъ и особен-

⁵ Акт. Ист. т. 1 № 51.

ную помощь Божію въ спасеніи Москвы отъ Ногайскаго Хана Седи-Махмета (въ 1451 г. Юля 2-го) по молитвамъ святителя Іоны и предстательству Матери Божіей: но немогъ добиться рѣшительнаго освобожденія отъ ига. Съ его стороны и то уже было великою заслугою, что онъ приучилъ Русскихъ безъ робости противостоятъ силъ монгольской и своими частыми возстаніями противъ поработителей возбудилъ въ сердцахъ Русскихъ сильное желаніе освобожденія отъ поноснаго ига и тѣмъ для сына своего подготовилъ средства рѣшительнаго и окончательнаго избавленія отъ Татаръ.

Въ 1462 г. вступилъ на Велико-княжескій престолъ сынъ Василія Васильевича Іоаннъ III и съ нимъ наконецъ настало для Россіи избавленіе отъ тяжкаго и продолжительнаго рабства. Мудрыми и твердыми мѣрами достигши самодержавія и тѣмъ увѣнчавъ усилія своихъ предковъ, Іоаннъ имѣлъ рѣдкое счастье достигнуть и другаго давно желаемаго блага — сверженія монгольскаго ига. Общепринятое у насъ мнѣніе объ этомъ предметѣ то, что супруга Вел. Князя Софія Оминишна, Греческая Царевна по происхожденію, убѣдила Іоанна къ рѣшительному возстанію противъ Монголовъ.⁶ Конечно и княгиня Софія Оминишна могла стремиться къ тому же и располагать Іоанна; но во всякомъ случаѣ ее нельзя признавать первою, важнѣйшею и почти единственною виновницею свободы Россіи. — Іоаннъ понималъ пользу Россіи, самъ желалъ избавленія отъ ига Монголовъ и явно шелъ къ тому, не посылая въ Орду обычной дани въ теченіи осьми лѣтъ и ограничиваясь только ничтожными дарами Ханамъ; онъ не обладалъ только рѣшительностію въ

⁶ «О причинахъ возвышенія Московскаго Княж. сочин. Вешнякова стр. 153.

задуманномъ и начатомъ дѣлѣ: ее вдохнули въ него ревностные пастыри Церкви, постоянно и трогательно убѣждавшіе его—безбоязненно возстать противъ враговъ. Весь народъ искалъ свободы отъ поноснаго рабства и даже ропталъ на Вел. Князя за его нерѣшительность ⁷.

Въ 1480 году Ханъ Ахмать, заключивъ наступательный союзъ съ польскимъ Королемъ Казиміромъ, двинулся на Россію съ намѣреніемъ—вновь напомнить ей свои права; Іоаннъ Васильевичъ собралъ сильное войско и умѣлъ отвлечь отъ союза съ Ахматомъ короля польскаго Казимира, наставъ на его собственныя владѣнія своего вѣрнаго союзника—Крымскаго Хана Менгли-Гирея. Распря съ братьями препятствовала Іоанну собрать возможно большія силы для борьбы съ врагами;—распрю умирили Митрополитъ Геронтій и Архіепископъ Ростовскій Вассіанъ. ⁸ Іоаннъ выступилъ изъ Москвы, ободряемый и наставляемый духовенствомъ. «Мужайся и крѣпись, о сынъ духовный!, какъ истинный воинъ Христовъ», говорилъ ему Митрополитъ Геронтій; «Добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы; ты не наемникъ! Избави вручаемое Тебѣ Богомъ словесное стадо отъ грядущаго нынѣ звѣря. Господь нашъ поборникъ!» ⁹ Когда Великій Князь встрѣтился съ врагомъ на берегахъ Угры, опять возвратилась къ нему прежняя нерѣшительность: онъ колебался и не смѣлъ вступить въ открытый бой съ Монголами. Напрасно соборъ русскаго духовенства, подъ предсѣдательствомъ Митрополита Геронтія, убѣждалъ его отложить страхъ и твердо противостоять врагу. ¹⁰ Тщетно и старецъ

⁷ Лѣт. Львовская стр. 169.

⁸ Рост. Лѣт. у Карамзина, т. IV, прим. 224.

⁹ Карамз. т. IV, стр. 94 изд. Эйнерлинга.

¹⁰ Акт. Истор. т. I № 90.

Вассианъ посылалъ ему свое трогательное посланіе, въ которомъ убѣждалъ Іоанна не омрачать своей славы неумѣстною слабостію, не предавать своего царства гибельному нашествію врага, *обещалъ*, что «ангелы снудуть съ небесъ въ помощь царю, что Господь пошлетъ ему отъ Сіона жезлъ силы, — и враги будутъ побѣждены, смятутся и погибнуть!»¹¹ Іоаннъ не отважился на битву съ Ахматомъ. Здѣсь спасла Россію одна милость и сила Божія своею чудною помощію. Дивное зрѣлище открылось на берегахъ Угры: въ то самое время, когда русское воинство пошло въ отступление, близкое къ бѣгству, — силы Ахмата ударились въ бѣгство, никѣмъ не преслѣдуемая; два враждебныя войска бѣжали другъ отъ друга никѣмъ не гонимыя. Такииъ образомъ безъ битвы, безъ кровопролитія «избави Богъ Своєю помощію русскую землю отъ поганыхъ.»¹²

Но еще долго надлежало Россіи бороться съ Монголами, не за свободу, — мысль о господствѣ надъ Россіей не смѣла болѣе приходить имъ и въ голову — надлежало защищать отъ хищничества Татаръ границы государства. Монголы составили нѣсколько отдѣльныхъ Ордь и частыми вторженіями своими въ предѣлы Россіи наносили ей много бѣдствій. Особенно тяжело было сосѣдство Орды Казанской: по своей близости къ границамъ государства русскаго, по своей силѣ и связи съ другими Ордами Казань была опаснѣйшею. Іоаннъ III умѣлъ удерживать ее мудрыми мѣрами своей политики; внукъ его Іоаннъ IV рѣшился силою смирить ее. Въ этомъ славномъ дѣлѣ принимали живое участіе наши Святители. Въ 1552 году, когда царское войско въ повоустроенной Свияжской крѣпости стало предаваться раз-

¹¹ У Карам. т. VI; стр. 95—97.

¹² Пол. Сбор. р. лѣт. т. IV, стр. 154. Стенен. кн. ч. III стр. 150.

нынѣ порокамъ, Митрополитъ Макарій своею сильною и убедительною грамотою прекратилъ зловредные безпорядки. Онъ писалъ между прочимъ войскамъ: «да и впредь бы есте подвизались съ Божіею помощію храбрѣски и мужески за святѣя Церкѣви и за нашу святую православную Вѣру противъ безбожныхъ Агарянъ, о всемъ по наказу благочестиваго и Христолюбиваго Царя Ивана.» Въ томъ же году къ самому царю Іоанну Васильевичу писалъ онъ: «благодаримъ и хвалимъ, о благочестивый Царю! о всемъ великое твое царское остроуміе и храбрость и Богомъ данную ти премудрость, и молимъ за отечество мужественнъ стояти и царски и храбрѣски по Бозѣ подвизатися.»¹³ Другой святитель Церкви Русской (Новгородскій Архіепіскопъ Пименъ) такъ ободрялъ царя на враговъ: «Прелжніи убо архіереи древнихъ царей наказующе, ово молищеся, яко Господію и владыки, овоже яко друзи и яко чада поучающе и привлекающе къ благочестивому образу: такови убо и мы будемъ зело доблественни и богоугодни, да не Бога лишимся молчанія ради. Молю убо, о царю, боговѣчанная главо! призывая Бога въ помощь, потщися храбрѣски на одолѣніе супротивнымъ и да видятъ вси царіе славу православія твоего!»¹⁴ Юный царь внималъ этимъ благочестивымъ совѣтамъ и ободреніямъ пастырей Церкви и, одушевленный ими, съ твердостію приступилъ къ Казани. Упорна, отчаянна была оборона осажденныхъ, но русскій царь, вспоможествуемый помощію Божіею, одолѣлъ твердыни и 2-го Октября 1552 года, послѣ кровопролитной сѣчи, взялъ

¹³ Акт. Ист. т. I № 159.

¹⁴ Писана въ отвѣтъ Царю на извѣщеніе его о прогнаніи татарскихъ войскъ, вступившихъ было въ области Рязанскія. Акт. ист. т. I. № 160. Также Допол. къ Акт. Истор. т. I № 37.

Казань.— При этомъ онъ ясно выразилъ, кому принадлежала слава победы. Когда ему донесли о совершенномъ завоеваніи города и спрашивали, что онъ прикажетъ дѣлать?— Славить Всевышняго! отвѣчалъ Іоаннъ, и, послѣ молебна подь святою хоругвию, водрузилъ на томъ мѣстѣ живото-рящій крестъ, назначивъ быть тамъ первой церкви христіанской. Потомъ при торжественномъ вшествіи въ Москву, когда духовенство и народъ славилъ побѣдителя, онъ приписалъ славный успѣхъ свой дѣйствию молитвъ Митрополита Макарія и всего освященнаго собора и «со всемъ воинствомъ кланялся имъ въ умилениіи сердца.»¹⁵ «Бысть же радость великая о таковой побѣдѣ, замѣчаетъ современная лѣтопись, не токмо во единомъ русскомъ царствѣ, но и во всѣхъ дальнихъ странахъ; во иновѣрныхъ же бысть и уныніе и страхъ.»¹⁶ Дѣйствительно было о чемъ печалиться невѣрнымъ. Сильнѣйшее изъ царствъ татарскихъ, образовавшихся на развалинахъ Великой Орды, покорено оружіемъ русскихъ: прежніе влстители наши сдѣлались рабами.— Вскорѣ послѣ покоренія Казани и другое царство — Астраханское подпало подь власть Іоанна IV, (въ 1557 году).¹⁷

Такимъ образомъ покореніемъ потомковъ своихъ прежнихъ поработителей, Россія отплатила имъ за долгіе годы тяжкаго и поноснаго ига; а русское духовенство своимъ вліяніемъ устранило или смягчило весь вредъ и бѣдствія порабощенія и даже извлекло изъ этихъ обстоятельствъ ве-

¹⁵ Акт. Ист. т. I № 302. Грамота Новгородскаго Архіепископа Пимена.

¹⁶ Царствен. кн. стр. 321—328.

¹⁷ Послѣдніе остатки Сарайской Орды, поселившіеся въ Крыму также покорены Россією, но уже въ позднѣйшія времена (въ цар. Импр. Екатер. 2-й).

личайшую пользу для государства, во времена самага нга способствовавъ уничтоженію удѣловъ и возстановленію единоподержавія.

Прот. Н. Дулитрашко.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ДУХОВНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

Въ 9-мъ № Полтавскихъ епархіальныхъ вѣдомостей объявлено, что въ Полтавѣ полученъ проэктъ о преобразованіи духовныхъ Семинарій и, по распоряженію Преосвященнаго, отданъ на разсмотрѣніе и обсужденіе семинарскаго начальства и наставниковъ Семинарій. Нельзя не перадоваться такому извѣстію. Въ настоящее время, когда въ области педагогики многое измѣнилось: измѣнился и взглядъ на воспитаніе, и приемы въ преподаваніи наукъ, когда и кругъ наукъ получимъ и измѣненіе и вмѣстѣ расширеніе въ составѣ своемъ, когда, потому, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ приступлено къ преобразованію, нельзя духовно-учебнымъ заведеніямъ оставаться при прежнемъ устройствѣ; требуется существенное преобразование;—это голось всего русскаго духовенства. Но нельзя не пожалѣть о томъ, что проэктъ о преобразованіи Семинарій, кажется, не напечатанъ ни въ одномъ повременномъ изданіи, и потому нѣтъ возможности обсудить его лицамъ, интересующимся всякимъ явленіемъ въ духовенствѣ, особенно по отношенію къ его образованію. Во всякомъ случаѣ, проэктъ о преобразованіи духовныхъ училищъ даетъ основаніе думать, что послѣднія останутся самостоятельными заведеніями. Что же на самомъ дѣлѣ лучше? Самостоятельность ли

Самнарий, или соединеніе съ гимназіями, какъ предлагаетъ съдѣлать свѣтская литература? Можетъ быть есть и некоторое доля правды въ толковъ литературныхъ соединеніи духовныхъ учебныхъ заведеній съ свѣтскими; но то совершенно справедливо, что еще не настала пора для такого соединенія. Конечно, если и послѣдуетъ когда нибудь это соединеніе: то оно будетъ у насъ не нововведеніемъ, а только возвращеніемъ къ старому порядку вещей. Было же у насъ, напримѣръ, въ Малороссіи время, когда дѣти генеральныхъ старшинъ учились вмѣстѣ съ дѣтьми священниковъ и очень часто мѣнялись ролями своихъ отцовъ. Желательно, конечно, чтобы это «доброе старое» возвратилось къ намъ въ Выгосударствѣ стройности въ системѣ образованія служить доказательствомъ высокой степени умственной и нравственнаго развитія народа. Но система образованія тогда только можетъ назваться стройною; когда сближается собою всѣ образованные массы; сравниваетъ ихъ общественное положеніе и позволяетъ дѣйствовать единодушно. Священникъ, медикъ, чиновникъ и учитель, если они получаютъ одинаковое общее образованіе, весьма близки другъ другу, не смотря на различіе ихъ специальности. Это единство въ образованіи при разнообразіи службы, служить самымъ вѣрнымъ руководствомъ гармоніи всѣхъ классовъ общества и сноскойнаго хода народной жизни. Обыкновенно упоряютъ наше духовенство въ стремленіи къ обособленію отъ другихъ сословій. Но это знакомо и съ историческимъ ходомъ развитія у насъ образованія; тотъ не станеть упорять, его въ этомъ. Если, въслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, въслѣдствіе выработки въ нашемъ обществѣ сословнаго взгляда на образованіе, духовенство должно было и для себя завести спе-

нацѣнно-образовательныя заведенія; тогда мы могутъ оно обир
новатой. Общество, напротивъ, должно быть слишкомъ благод
годарно духовенству за то, что оно, при скудости средствъ
къ своему содержанию, а также и возможнымъ безъ всякой
поддержки со стороны общества, устроило для своего юнош
ества учебныя заведенія.

Въ настоящее время, когда сословный взглядъ въ на
шемъ обществѣ начинаетъ отживать свой вѣкъ, когда въ
словахъ стремятся къ сближенію между собою, а тогда
потому и сословныя заведенія должны уступить мѣсто у
стройству общеобразовательныхъ заведеній; соединеніе
свѣтскихъ и духовныхъ училищъ могло бы послѣдовать.
Но при этомъ необходимо одно главное условіе: если свѣт
скія заведенія дадутъ яду духовенству возможность подум
ать о такомъ образованіи въ соответствии со его призван
іемъ, то это — специально-богословское. Но такъ какъ наши
свѣтскія заведенія не любятъ и откровенно сказать, о духов
ной наукѣ и не могутъ, потому и воспитывать отверженныхъ и
искусныхъ словомъ и истиною, а пастырей и учителей церк
кви: то, до тѣхъ поръ, пока первыя не разовьются въ себя
любви къ духовной наукѣ и во всему духовному, пока
въ стѣнахъ ихъ не откроется какъ орудіе православія, а бо
гословія, соответственно широтѣ и достоинству науки, до
тѣхъ поръ, говоримъ, не вѣзъ и думать о соединеніи ду
ховныхъ заведеній съ свѣтскими. Да и при разширеніи об
разованія духовного въ заведеніяхъ свѣтскихъ, — и тогда
окончательное специальное образованіе кандидатовъ въ свѣ
щенники, — должно бы быть ютдельно. А такъ и въ настоящее
время, — время преобразованій свѣтскихъ учебныхъ заведе
ній — не примѣтно, чтобы богословской наукѣ думали замѣ
дать болѣе широкій просторъ и ширеть: отъ духовенству и

чего не остается болѣе дѣлать, какъ, соображаясь съ требованіемъ науки и просвѣщенія, приступить къ преобразованію своихъ духовно-учебныхъ заведеній. Въ настоящее время, если что можно соединить, такъ это—по нашему мнѣнію низшія, духовныя наши училища съ свѣтскими учебными училищами.

Нужно думать, что проектъ о преобразованіи Семинарій касается и духовныхъ училищъ; послѣднія неотложно требуютъ преобразованія. Если что еще у насъ такъ наглядно представляетъ слѣды вліянія западной схоластики на внутреннее устройство нашихъ духовныхъ заведеній, такъ это—курсъ наукъ, проходимыхъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ. Главный предметъ, на который обращается вниманіе и наставниковъ и воспитанниковъ нашихъ духовныхъ училищъ,—это древнее языкознаніе, особенно изученіе латинскаго языка. Маленькое преобразование, сдѣланное въ нихъ въ послѣдніе годы, немного исправило дѣло; языкоизученіе все таки осталось въ силѣ, а знаніе другихъ предметовъ, болѣе важныхъ, какъ напр. закона Божія, русскаго и славянскаго языка и другихъ предметовъ, не много подвинулось впередъ. Знай ученикъ хорошо всѣ предметы, кромѣ латинскаго языка, и переходъ въ Семинарію для него недоступенъ. Не знаю, какъ теперь, а въ мое время, это было лѣтъ 17-ть назадъ, знаніемъ латинскаго языка опредѣлялось достоинство училища. Помню бывало говорятъ: «такое-то училище лучше всѣхъ,» и почему же? Не потому, что тамъ лучшій методъ преподаванія и ученія, а потому, что лучше знаютъ латинскій языкъ. Да судите сами, какъ и не знать. Четыре года просидѣвши за училищною скамьею исключительно съ грамматикою и лек-

сикономъ въ рукахъ, можно кажется порядочно изучить и хоть какой языкъ. Но дѣло въ томъ, съ чѣмъ сообразенъ такой образъ занятій, и къ чему вѣдетъ? Не знаю, что можно бы представить въ защиту и оправданіе такого метода воспитанія? Съ какой стороны ни присмотришься къ нему, вездѣ примѣчаешь только его односторонность, неблагоприятно дѣйствующую на развитіе учащихся. Дѣло известное, что если мы будемъ ѣсть слишкомъ много чего нибудь, или употреблять такую пищу, которую не можетъ переварить желудокъ: то заболѣемъ или ослабѣемъ; или, если мы сдѣлаемъ слишкомъ сильное движеніе, или поднимемъ слишкомъ тяжелую для насъ вещь: то можемъ надорваться; или если слишкомъ продолжительно будемъ заниматься какою нибудь физическою работою: то можемъ истощить себя. Понятно, что во всѣхъ сихъ и подобныхъ случаяхъ наше тѣлесное развитіе не можетъ совершаться правильно, оно, напротивъ, будетъ болѣзненнымъ развитіемъ.

Тоже самое произойдетъ и съ нашимъ духовнымъ развитіемъ, если способности наши будутъ упражняться *непосильными* и вообще *неприродными* для нихъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, занятіями. Но кто, положа на сердце руку, можетъ сказать, что занятія древнимъ языкознаніемъ по силамъ десятилѣтнему мальчику? Пригодны ли онѣ такимъ молодымъ лѣтамъ, равно неспособнымъ и несклоннымъ ни къ какимъ отвлеченнымъ занятіямъ? Пожалуй, по восприимчивости юныхъ способностей, занятія эти привьются и усвоятся учащимися; но можно ли сказать, что безъ вреда для духовнаго ихъ развитія? Свѣжо въ памяти моей, да и другихъ мнѣ кажется, время училищнаго воспитанія, то—годы, тяжелые по воспоминаніямъ. Помню, какъ старшій братъ мой, по переходѣ

въ Семинарію; испытавъ, конечно, на себѣ недостаточность и непригодность для семинарскаго образованія училищныхъ занятій, онъ желая меня болѣе подготовить, совѣтовалъ мнѣ, въ когда я былъ еще въ училищѣ, и свободное отъ занятій время посвящать на чтеніе книгъ; я слушалъ ората, да и самъ отчасти уже понималъ, что чтеніе книгъ было полезное, и, по сегомъ совѣту, бралъ изъ дому книги для чтенія, какія т пригодны были мнѣ оубтамъ и какія позволяла библіотека отца и приходской церкви. И что же? Книги привозились домой почти непрочитанными; занятія по языкознанію рѣшительно поглощали время, и до того бывало надѣлали и утомяли нравственно и умственно, что убывалась всякая охота къ стороннимъ занятіямъ, тѣмъ болѣе, что не было и побужденій. Русскій языкъ читался слабо, ограничивался однимъ зазубриваніемъ правилъ безъ пракческаго разбора и разъясненія; не услышишь бывало на классѣ русскаго языка ни одного отрывка, прочитаннаго изъ книги, ни устнаго разсказа, который заинтересовалъ бы дѣтскую душу, развлекъ бы ее, хоть не много, среди той однообразной, утомительной работы, какою заняты были наши головы, день и ночь копясь въ лексиконахъ. Мало того: и фанаты и аорисы слышны были на всѣхъ классахъ, для нихъ жертвовались классы и по катихизису и по русскому языку и по другимъ предметамъ; и отъ того, откровенно сказать, по всемъ прочимъ предметамъ, кромѣ языкознанія, ученики выходили изъ училища съ очень ограниченными свѣдѣніями. Дай Богъ, чтобы въ нашихъ училищахъ теперь было хоть сколько нибудь лучше! Судите, что тутъ легкаго и пріятнаго для воспоминанія. Эта односторонность, эта неровность въ занятіяхъ предметами не существенный ли вредъ нанести духовному развитію учащихся? Не сообщаетъ ли

ихъ способностямъ отвлеченное схоластическое направле-
ніе, а знанію ихъ — характеръ знанія безцвѣтнаго, сухаго,
малоприложимаго къ жизни? Неужели лучше и полезнѣе
для меня, если я, напримѣръ, въ 15-ть лѣтъ сблѣяюсь
способнымъ понимать рѣчь древнихъ мудрецовъ, о ко-
торыхъ ни съ кѣмъ въ обществѣ и рѣчи не заведешь, а
буду невѣжею въ пониманіи предметовъ, окружающихъ
меня, не въ состояніи толково объяснить какое нибудь
обыденное явленіе природы? Каково положеніе мое среди
сверстниковъ, которые заведутъ рѣчь о чемъ нибудь, взя-
томъ изъ отечественной исторіи или исторіи литературы
своего роднаго языка, или изъ естественной исторіи? Что
я въ такомъ случаѣ дѣлать долженъ, когда о всѣхъ по-
добныхъ предметахъ имѣю или бѣдныя свѣдѣнія, или не
имѣю никакихъ? Безмолвно слушать? Но легко ли это?
Легко ли видѣть умственное превосходство надъ собою
другихъ, когда сознаешь, что и самъ могъ бы и готовъ бы
знать не хуже другихъ, если бы школа давала возможность
знать? И тутъ не пожалѣешь ли горько, что лучшіе годы
юности убиты надъ занятіями тяжелыми, по односторонни-
ми, которыя не сблизили меня съ жизнью и обществомъ,
а скорѣе отдалили и сблѣли меня мудрецомъ не сего вѣ-
ка, а древняго, отжившаго. Пожалуй, древняя мудрость въ
утѣшеніе мнѣ скажетъ, что я узнаю еще послѣ недознан-
ное въ низшей школѣ. Пусть и такъ; но почему же мнѣ
не сообщить прежде свѣдѣній подручныхъ, которыя сбли-
жали бы меня со всѣмъ окружающимъ, свѣдѣній, которыя
умѣстнѣе было бы передать въ низшей школѣ, такъ какъ
онѣ сообразнѣе съ законами духовнаго моего развитія¹ и,

¹ Законы духовнаго развитія прямо говорятъ, что духовная дѣ-
ятельность дѣтей, до извѣстнаго возраста (обыкновенно до

потому, болѣе приходимось по моимъ способностямъ; а что отдалено отъ меня, съ тѣмъ я и послѣ могъ бы познакомиться и быть можетъ легче и скорѣе? При такихъ думяхъ горько становится на сердце! И пусть бы вся система воспитанія шла послѣдовательно; а то смотрите: въ училищѣ мы исключительно занимаемся древнимъ языкознаніемъ, а въ семинаріи это занятіе остается для одной формы; серьезнымъ предметомъ занятій становится русская словесность и другія науки, къ которымъ мы мало бываемъ подготовлены. Судите, рационаленъ ли такой методъ образованія?... И неужели онъ будетъ имѣть мѣсто въ настоящее время?... Нужно надѣяться, что наши педагоги не отстанутъ отъ современности, поймутъ требованія современной педагогики, и если духовнымъ училищамъ суждено еще оставаться отдѣльными самостоятельными заведениями, то введутъ въ нихъ курсъ наукъ, который будетъ попригодибѣ и посообразибѣ съ идеей воспитанія вообще.

По моему взгляду, дѣтей ни изъ какого сословія нельзя заранѣе предназначать къ опредѣленной специальности. Главное дѣло и цѣль, какую нужно, первѣе всего, преслѣдовать при воспитаніи дѣтей всѣхъ званій и состояній, это: *правильное и всестороннее развитіе ихъ способностей*. Окончательная задача воспитанія: *довести учащихся, чтобы воспитанникъ самъ созналъ себя, и самъ потомъ*

13—14 лѣтъ), состоитъ преимущественно въ усвоеніи *отдѣльныхъ конкретныхъ представленій объ окружающихъ предметахъ*; послѣ же сего возраста начинаетъ преобладать, такъ сказать, *отвлеченная духовная дѣятельность*, состоящая въ томъ, что дѣти начинаютъ постоянно сближать отдѣльные представленія, соединять общіе признаки ихъ и составлять такимъ образомъ понятія, а изъ понятій сужденія и т. д.

из состояній былъ бы избрать себѣ то дѣло, къ какому онъ способенъ. И потому училище должно сообщать дѣтямъ такія познанія, кои содѣйствовали бы къ правильному и всестороннему развитію и не предавали бы имъ никакого преимущественно практическаго, или отвлеченнаго направленія; оно должно учить дѣтя такъ, чтобы изъ него вышелъ прежде всего человекъ христіанинъ, а не какойнибудь специалистъ. Высказываемая мною задача воспитанія прямо указываетъ на естественную для всѣхъ дѣтей необходимость въ предварительномъ общемъ образованіи. Значитъ, предварительное обученіе и дѣтей духовенства ничѣмъ не должно отличаться отъ образованія дѣтей другихъ сословій; въ государствѣ это обученіе должно быть общее для всѣхъ. Въ чемъ же должно состоять общее предварительное обученіе дѣтей всѣхъ сословій? Нѣтъ нужды, мнѣ кажется, придумывать для этого какойнибудь *искусственный курсъ наукъ*. Дѣти наши, все равно какъ и мы, рождаются, живутъ, вырастаютъ въ известной мѣстности, въ известной людской средѣ. Все окружающее: люди, понятія, нравы, обычаи, вообще весь образъ жизни ихъ, мѣстность со всѣми естественными произведеніями и проявленіями ея производятъ на нихъ впечатлѣнія. Познаніе всего окружающаго насъ составляетъ самый естественный, ничѣмъ незамѣнимый и вполнѣ достаточный матеріалъ для правильнаго, всесторонняго развитія дѣтей. Значитъ, общее предварительное обученіе должно состоять въ познаніи всего роднаго, окружающаго насъ. Мы исповѣдуемъ православную вѣру, принадлежимъ къ православной Церкви; мы говоримъ на известномъ языкѣ; мѣстность, на которой живемъ, имѣетъ известное пространство, измѣреніе, представляетъ известное тѣло, имѣющее ту или другую форму; далѣе, мы окруже-

ны природою, которая богата естественными произведениями и явлениями, съ которыми мы должны быть знакомы; мы имѣемъ свою исторію, свою географію, намъ не чужды также и изящныя искусства. Отсюда вытекають слѣдующіе учебныя предметы: Законъ Божій, родной языкъ, математика, естественная исторія, отечественная исторія, географія, искусства: рисованіе, пѣніе. Очевидно, что курсъ выводимыхъ мною предметовъ необходимо пройти и сыну священника, и сыну дворянина, и сыну купца, такъ какъ онъ состоитъ изъ предметовъ, близкихъ каждому и пригодныхъ первымъ годамъ юношескаго возраста. Но почему же именно, опять замѣчу, духовному юношеству слѣдуетъ проводить эти лучшіе годы возраста за изученіемъ древняго языко-знанія, когда духовная дѣятельность его собственно жаждетъ, такъ сказать, знакомства съ окружающими предметами, — право и странно и больно?! ²

Съ другой стороны, нельзя не видѣть, что выведенный мною курсъ наукъ, какъ пригодный для общаго первоначальнаго обученія, близко подходитъ къ курсу наукъ народныхъ уѣздныхъ училищъ; а по новому проекту Министерства Народнаго Просвѣщенія объ училищахъ, въ на-

---

² Не думайте, впрочемъ, чтобы я вовсе отвергалъ изученіе древняго языкознанія: нѣтъ, я признаю его необходимость и понимаю пользу его изученія; но изученію этому нужно дать другое мѣсто и не усвоить ему преобладающаго знанія. Его умѣстнѣе изучать въ семинаріяхъ. Тамъ оно можетъ быть изучено скорѣе и съ большею пользою. Что мое предположеніе справедливо, доказательствомъ тому — изученіе въ семинаріи новѣйшихъ языковъ. Они изучаются только тамъ; и между учениками семинаріи много есть такихъ, которые въ четыре года, при двухъ урокахъ въ недѣлю, достаточно изучаютъ французскій и нѣмецкій языкъ.

родныхъ уѣздныхъ училищахъ курсъ наукъ расширяется и будетъ вполне достаточенъ для общаго предварительнаго обученія. Такимъ образомъ если въ нашихъ духовныхъ училищахъ исключить преподаваніе древнихъ языковъ и ввести въ оныя новый курсъ наукъ народныхъ уѣздныхъ училищъ: то спрашивается: нужны-ли самыя духовныя низшія училища? Мнѣ кажется, что духовенство, въ такомъ случаѣ, можетъ готовить своихъ дѣтей, для поступленія въ семинарію, въ народныхъ уѣздныхъ училищахъ—что будетъ для него споручиѣе и легче. Народное уѣздное училище есть въ каждомъ уѣздномъ городѣ; значить, городскому духовенству ничего не будетъ стоить воспитаніе дѣтей въ училищѣ; оно будетъ дѣломъ домашнимъ. И для уѣзднаго духовенства воспитаніе дѣтей въ народномъ уѣздномъ училищѣ тоже очень удобно. Уѣздный городъ вездѣ почти ближе къ мѣсту его жительства, чѣмъ городъ, гдѣ находится духовное училище; въ первомъ и содержаніе дешевле, и чаще можно посѣщать дѣтей, и лучше слѣдить за ихъ успѣхами и поведеніемъ, нежели отдавши за 80 и 100 версть;—а это обстоятельство тоже заслуживаетъ вниманія. Первые годы воспитанія даютъ направленіе дальнѣйшему образованію дитяти. А какъ часто случается, что дитя погибаетъ въ училищѣ именно оттого, что долго остается безъ присмотра родительскаго! Родители всегда сильнѣе и глубже могутъ подѣйствовать на дитя, въ случаѣ его неисправности, нежели воспитатели. Что-же касается до сиротъ духовнаго званія: то воспитаніе ихъ въ народныхъ училищахъ не составитъ большаго затрудненія. Есть-же у насъ духовныя училища, гдѣ нѣтъ казенныхъ домовъ для сиротъ, а занимаются имъ отъ казны квартиры у жителей города? Попеченіе о воспитывающихся въ уѣздныхъ учи-

лицахъ сиротахъ можетъ быть возложено на градскаго протоіерея и законоучителя училища; они могутъ дѣлать представленія семинарскому начальству какъ о всѣхъ духовныхъ воспитанникахъ, обучающихся въ известномъ училищѣ, такъ и о бѣдныхъ, которые по успѣхамъ заслуживаютъ казеннаго содержанія. Кроме того, въ каждомъ уѣздномъ городѣ можетъ быть попечитель о духовныхъ сиротахъ, воспитывающихся въ народномъ училищѣ, который можетъ оказывать имъ пособіе или деньгами или давая одному двумъ, пріютъ въ своемъ домѣ.

Что касается образованія въ народныхъ уѣздныхъ училищахъ: то нужно надѣяться, что оно благотворно будетъ дѣйствовать на духовныхъ воспитанниковъ. Народныя училища сблизятъ ихъ съ дѣтьми другихъ сословій; при этомъ сближеніи не можетъ не быть между воспитанниками обмѣна добрыми качествами; съ другой стороны, сгладятся тѣ особенности, тѣ угловатости по вышности, которые такъ рѣзко выдаются теперь въ духовныхъ воспитанникахъ при замкнутости нашихъ училищъ.

Таинъ нечего, истина всѣмъ видна: духовныя наши училища бѣднѣе свѣтскихъ и наставниками и научными пособіями,—а отъ этого происходитъ неволю успѣшный ходъ образованія въ нихъ. Наставниковъ въ духовныхъ училищахъ, вполне посвятившихъ себя наукѣ и преданныхъ своему дѣлу, можно найти весьма, весьма не много; и нельзя даже винить ихъ за это. Судите сами, кому придетъ охота заниматься усердно дѣломъ, получая жалованья 75, или 120 р. сер. въ годъ? При такомъ скудномъ содержаніи, взоры преподавателей устремлены за училище; они заняты не училищемъ, а мыслию, какъ-бы получить поскорѣ хорошій приходъ, или выйти въ гражданскую службу. А если-бы и нашлись вы-

сокіе подвижники науки, много-ли они могли-бы успѣть при тѣхъ скудныхъ или даже ничтожныхъ научныхъ пособіяхъ, какими располагають наши духовныя училища. Каждому преподавателю нужно непременно слѣдить за своимъ предметомъ, ему нужна своего рода бібліотека по его предмету; а гдѣ взять ее, когда жалованья недостаетъ для пропитанія, а училищная бібліотека до крайности бѣдна? ³ Предположимъ даже, что совершится преобразование училищъ, что будетъ сдѣланъ новый окладъ жалованья училищнымъ наставникамъ. Но принимая въ соображеніе источникъ, изъ коего будетъ сдѣлана прибавка жалованья какъ наставникамъ, такъ и на содержаніе училища, нельзя думать, чтобы эта прибавка была слишкомъ значительна. Положимъ, что учитель, получающій нынѣ 75 руб. будетъ получать 200 р.; неужели вы думаете, что, при настоящей дороговизнѣ средствъ къ жизни, этотъ окладъ будетъ достаточенъ, и порядочный человекъ долго удержится на мѣстѣ? Не думаю. А училищныя бібліотеки какъ возеоздать и обзавести, чтобы онѣ похожи были на бібліотеки и служили-бы дѣйствительнымъ пособіемъ для наставниковъ и воспитанниковъ? И на этотъ предметъ потребуется не малая сумма; а гдѣ же взять ее?...

Въ народныхъ училищахъ видимъ совсѣмъ иное. Учителя тамъ обезпечены въ содержаніи достаточнымъ окладомъ жалованья и часто впритомъ получаютъ одновременныя денежныя награды, оттого болѣе привязаны къ своимъ мѣстамъ. Тамъ не встрѣтите тѣхъ явленій, какія въ духовныхъ училищахъ не рѣдкость; тамъ не бываетъ мѣны въ преподаваніи предметовъ, не переводятъ напр. учителя рус-

³ Кто заглядывалъ въ наши училищныя бібліотеки: тотъ знаетъ, какъ онѣ скудны.

скаго языка на ариметику. Оттого тамъ учителя всегда хорошо знакомы съ своимъ предметомъ. Составъ библиотекъ народныхъ училищъ значительный и ежегодно увеличивается новыми научными пособиями и повременными изданиями. При такой обстановкѣ, естественно, преподаваніе идетъ лучше въ народныхъ училищахъ и успѣхи учениковъ по предметамъ ровнѣе; руководства по предметамъ новѣе, методъ преподаванія усовершенствованнѣе, контроль для оцѣнки успѣховъ учениковъ также безпристрастнѣе и вѣрнѣе.⁴

Предвижу возраженіе. Скажутъ воспитаніе въ народныхъ училищахъ не будетъ удовлетворять нуждамъ и потребностямъ Церкви. Не всѣ же, конечно, духовные воспитанники изъ народнаго училища поступаютъ въ Семинарію; многие изъ нихъ окажутся малоуспѣшными. Неуриготовленные къ занятію причетническихъ мѣстъ, они должны оказаться лицами совершенно излишними въ духовенствѣ. Спрашивается,

⁴ Въ народныхъ уѣздныхъ училищахъ (да и вообще во всѣхъ свѣтскихъ заведеніяхъ), такой заведенъ порядокъ, относительно успѣховъ учениковъ. Каждому наставнику, въ началѣ учебнаго года, выдаются печатные бланки для алфавитнаго списка учениковъ; въ этомъ спискѣ отмѣчаются баллы учениковъ по каждому уроку. Въ концѣ каждаго мѣсяца училищный педагогическій совѣтъ, состоящій изъ смотрителя и учителей училища, разсматриваетъ баллы учениковъ по всѣмъ предметамъ, и хорошимъ изъ нихъ изъявляется благодарность, а малоуспѣшнымъ дѣлается выговоръ. Въ концѣ года, выводится общій годовой баллъ успѣховъ по каждому предмету, и по этимъ балламъ опредѣляетъ совѣтъ, кто можетъ перейти безъ экзамена, кто можетъ быть допущенъ къ экзамену, а кто нѣтъ. Порядокъ, какъ очевидно всякому, такой, что въ немъ нѣтъ мѣста личному произволу одного. И нужно душевно желать, чтобы, съ преобразованиемъ, онъ вошелъ и въ наши духовныя заведенія.

куда ихъ дѣвать, и гдѣ брать людей для занятія причетническихкихъ мѣстъ?

Опасеніе напрасное. Духовные воспитанники и въ народныхъ училищахъ могутъ быть также хорошо подготовлены къ занятію причетническихкихъ должностей, какъ въ духовныхъ. Для занятія причетническихкихъ должностей немного требуется: кромѣ знанія катихизиса и св. исторіи, требуется хорошее чтеніе по славянски и знакомство съ церковнымъ уставомъ и пѣніемъ. Но съ этими предметами духовные воспитанники могутъ познакомиться и въ народныхъ училищахъ. По новому проекту народныхъ училищъ, въ нихъ вводится славянскій языкъ и вводится въ обязанность обучать всѣхъ учениковъ пѣнію, для чего, кажется, полагается и особый классъ. Такимъ образомъ, подъ руководствомъ законоучителя, духовные воспитанники могутъ ознакомиться съ церковнымъ пѣніемъ и уставомъ. Законоучителя, при пособіи своихъ причетниковъ, въ каждомъ городѣ могутъ образовать изъ нихъ порядочный хоръ. Такимъ образомъ и изъ свѣтскихъ училищъ могутъ выходить кандидаты на причетническія мѣста.

Что это предположеніе можетъ быть справедливо, вотъ вамъ фактъ. Въ К—ой губерніи, дьячекъ подгородней слободы города С., не имѣя средствъ воспитать сына въ духовномъ училищѣ по его отдаленности и по своей бѣдности, но и не желая вовсе оставить безъ ученія, отдалъ его въ народное уѣздное училище. Мальчикъ началъ ходить въ училище и въ тоже время, подъ руководствомъ отца, изучалъ въ приходской церкви пѣніе и уставъ церковный. По окончаніи курса въ народномъ училищѣ съ хорошимъ свидѣтельствомъ, отецъ началъ хлопотать объ опредѣленіи его на причетническое мѣсто. Консисторію сдѣлано было ис-

пытание. Воспитанникъ свѣтскаго училища оказался способнымъ занять причетническую должность; стало быть и въ народномъ училищѣ можно приготовить людей для причетнической должности.

Съ другой стороны, соединеніе духовныхъ училищъ съ свѣтскими, кромѣ того, что много облегчитъ духовенство относительно первоначальнаго воспитанія дѣтей, откроетъ еще источникъ къ улучшенію положенія семинарій. Вся сумма, употребляемая теперь на содержаніе училищъ и училищнаго начальства, можетъ быть обращена на содержаніе семинарій, а капиталъ, усотребляемый на этотъ предметъ, все таки значительный.

Таковы мои мысли о духовныхъ училищахъ, по поводу извѣстія о проэктѣ о преобразованіи семинарій. Пригодны ли онѣ и согласны ли съ проэктомъ, того не знаю. Знаю только, что онѣ раздѣляются нѣкоторыми изъ нашего духовенства. Какъ бы ни было сдѣлано преобразование семинарій, т. е. будутъ ли онѣ состоять изъ трехъ отдѣлений, какъ теперь, и только сдѣлано будетъ новое распределеніе предметовъ, или же онѣ будутъ устроены на подобіе гимназій, то есть будутъ состоять изъ 7 классовъ, въ томъ и другомъ случаѣ, намъ—духовнымъ отцамъ желательно, чтобы курсъ наукъ въ первыхъ классахъ духовныхъ заведеній былъ приспособленъ къ курсу наукъ народныхъ уѣздныхъ училищъ. Если, по проэкту о преобразованіи семинарій, духовныя училища и должны оставаться: то введеніе предлагаемой мною мѣры скоро можетъ показать, должны ли существовать духовныя училища, какъ отдѣльныя приготовительныя заведенія, и могутъ ли народныя уѣздныя училища готовить для семинарій воспитанниковъ?

С. Т.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МАЛОРОССІЙСКИХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Съ недавняго времени начали у насъ появляться въ печати малороссійскія сочиненія духовнаго содержанія. Но никто изъ понимающихъ дѣло не станетъ отрицать того, что говорить или писать по-малороссійски о предметахъ, выходящихъ изъ области понятій простаго народа, каковы многія истины вѣры, — гораздо труднѣе, чѣмъ говорить и писать по-русски. Что, напримѣръ, проще библейскаго повѣствованія? Но если многіе предметы этого повѣствованія не имѣютъ даже имени въ малороссійской рѣчи, то какъ тутъ поступать? — Что легче и яснѣе правоученія? Но если въ этомъ правоученіи касаются такихъ добродѣтелей или пороковъ, которыхъ и названіе не встрѣчается въ просторѣчій, то какъ тутъ быть? Еще болѣе затрудненія встрѣтитъ тотъ, кто захотѣлъ бы излагать по-малороссійски догматику христіанскую и замѣнять малороссійскими выраженіями церковно-богослужебную термилогію. Даже вообще при передачѣ отвлеченныхъ понятій, пишущій по-малороссійски встрѣтитъ не мало затрудненій. Итакъ если и нѣтъ препятствія со стороны правительства печатать малороссійскія сочиненія, если бы и чувствовалась потребность говорить и писать для малороссовъ о вѣрѣ и нравственности христіанской на ихъ родномъ нарѣчій; то принимающимся за это дѣло не мѣшало бы установить общій и опредѣленный взглядъ на то, какъ должно говорить и писать въ этомъ случаѣ?

То неоспоримо, что въ дѣлѣ истиннаго просвѣщенія и развитія народнаго, христіанская религія имѣетъ самое огромное значеніе. Главная задача ея — обновленіе челоуѣчества во Христвъ Іисусъ. для того, чтобы сдѣлать оное спо-

собнымъ къ вѣчной, блаженной жизни, достигается, кромѣ таинства, священныя дѣйствій и молитвъ, еще и наставленіемъ въ христіанскихъ истинахъ. И какъ, обновляя чело- вѣка, христіанская вѣра сообщаетъ ему новыя благодатныя силы, такъ и просвѣщая его свѣтомъ откровенія, вноситъ въ душу его *новыя спасительныя истины*. Эти истины для выраженія своего *требуютъ и новыхъ словъ*. Отсюда вытекаетъ первый долгъ пишущаго и говорящаго объ истинахъ вѣры: вносить въ душу вѣрующаго новыя спасительныя понятія, и—если цѣль въ языкъ народа, которому сообщаются эти понятія, готовыхъ словъ для выраженія ихъ,—вносить и новыя слова, годныя для этой цѣли. Отъ того-то въ книгахъ священнаго писанія, особенно въ посланіяхъ апостольскихъ встрѣчаются такія слова, которыя неизвѣстны были языческому міру въ томъ значеніи, въ какомъ онѣ употребляются въ книгахъ священнаго писанія. Таковы всѣ почти термины христіанскаго богословія. Святые отцы церкви первыхъ вѣковъ и вселенскіе соборы опредѣлили подлинное значеніе этихъ словъ на греческомъ языкѣ; но при переводѣ ихъ на другой языкъ встрѣчается огромное, а иногда и непреодолимое затрудненіе. Счастливы славянскія племена, что они имѣютъ полный кодексъ всѣхъ священныя книгъ на общемъ всѣмъ имъ церковно-славянскомъ языкѣ; въ этихъ книгахъ они находятъ готовые слова христіанскаго богословія,—слова, которыхъ значеніе установилось давно, быть можетъ, со времени первыхъ богословящихъ славянскихъ учителей. Отсюда вытекаетъ правило, общее для всѣхъ славянскихъ племенъ православнаго исповѣданія и въ частности годное для того, кто вздумалъ бы писать по-малороссійски о предметахъ вѣры: всѣ слова догматическаго, нравственно-теологическаго и церков-

но-богослужебнаго содержанія, равно какъ и всѣ имена историческія оставлять безъ перевода съ славянскаго языка на народную рѣчь. Уклоненіе отъ этого правила во-первыхъ затруднительно, потому что не для всякаго богословскаго термина можно найти буквальный и точный переводъ въ простонародной рѣчи, — во-вторыхъ можетъ повестъ къ ошибкамъ, потому что и буквальный переводъ можетъ заключать иногда не ту мысль, какую соединяетъ съ известнымъ словомъ христіанское богословіе. Какъ, напримѣръ, переведете вы по малороссійски слова: святой, Троица, благодать, таинство, самоотверженіе, алтарь, епископъ, капонъ, стихира и проч.? Всѣ эти и подобныя имъ слова, какъ заключающія особенныя, свойственныя только христіанству понятія, и должны быть оставляемы безъ перевода съ славянскаго языка. Да и зачѣмъ переводить ихъ, когда онѣ или общеславянскія, и стало быть понятны и для малоросса, или хотя и греческія, но получили давно право гражданства въ священныя книги, и въ продолженіи вѣковъ проникли въ жизнь народа? Къ нимъ народъ прислушался, ихъ считаетъ онъ родными, своими собственными; кромѣ того они, умножая понятія народныя, вмѣстѣ съ тѣмъ обогащаютъ и языкъ. Поэтому и переводъ ихъ на малороссійское нарѣчіе было бы ничѣмъ не извинительною ошибкою.

Кромѣ чисто-богословскихъ терминовъ, христіанская наука, въ современномъ состояніи, не можетъ обойтись безъ понятій отвлеченныхъ, выраженіе которыхъ однимъ словомъ есть достояніе языка уже достаточно развитаго. Малороссійская рѣчь богата словами для выраженія явленій видимой природы и чувствованій душевныхъ, но въ ней *нѣтъ названій для многихъ отвлеченныхъ понятій*, по той причинѣ, что народъ не выяснилъ еще для себя этихъ понятій:

поэтому, если окажется надобность внести эти понятія въ народное сознание, — а она окажется непременно, — то какъ тутъ поступить? Конечно, со временемъ дарованія писателей могутъ выработать изъ народныхъ элементовъ отвлеченныя слова, производя ихъ, напимвръ, отъ глаголовъ и и прилагательныхъ именъ; — но можно *допустить и заимствование*. Въдь не чуждалась же малороссійская рѣчь польскихъ словъ, когда народъ малорусскій былъ въ случайныхъ отношеніяхъ къ полякамъ; отъ чего же ей чуждаться заимствованія словъ у русскихъ, съ которыми неразрывно слилась жизнь малороссовъ? Пусть не погнѣваются на насъ за это предложеніе пуристы малороссійскаго стиля; представляемъ имъ заботиться о чистотѣ языка, а наша первая забота о его достаточности для выраженія всѣхъ понятій, которыя нужно сообщить народу. «Какая польза, говорить блаженный Августинъ, отъ чистоты языка, за которую не можетъ слѣдовать пониманіе слушателя, — тогда, какъ единственная цѣль бесѣдъ нашихъ та, чтобъ насъ понимали люди, съ которыми бесѣдуемъ? Что пользы отъ золотого ключа, если имъ нельзя отомкнуть того, что хотимъ отомкнуть? И напротивъ, какая невыгода отъ деревяннаго, если онъ можетъ отмыкать, — когда отъ ключа мы больше ничего и не требуемъ, какъ только отмыкать замкнутое?» Кому не ясно это иносказаніе блаженнаго отца, для того мы пояснимъ его. Беремъ выраженіе изъ надписанія малороссійской книги, недавно вышедшей въ свѣтъ. «*Оповіданя зв святого писання... Видано Николаемъ Костомаровымъ на громадськи гроши, що зносять ся для народній освіти*». Въ этомъ выраженіи нужно было устроить такпхъ два слова, которыхъ нѣтъ въ малороссійской рѣчи: слово «оповіданя» для понятія о повѣствованіи и слово «освітъ» для

понятія о просвѣщеніи. Авторъ выдумалъ «оповіданя», а издатель — «освітѣ». Что-же, — выражаютъ ли эти новосоставленные слова то, что хотѣли ими выразить? Сомнительно, чтобы кто либо изъ малороссійскихъ простолюдиновъ въ *оповіданяхъ* понялъ повѣствованіе, и въ *освітѣ* — просвѣщеніе. А между тѣмъ русскія слова были бы гораздо понятнѣе для малороссовъ уже и потому, что онѣ взяты изъ церковно славянскаго языка. Они слышали почти тѣ-же слова въ церкви (якоже богоглаголивый Лука повѣствуетъ; Господь просвѣщеніе мое), и привыкли понимать ихъ. Свойство малороссійской рѣчи потребуетъ только отъ этихъ словъ нѣсколько инаго произношенія, а отъ другихъ подобныхъ имъ, пожалуй, и другаго измѣненія. Такимъ образомъ заимствованіе можетъ перейти со временемъ въ собственность и послужить разомъ и къ обогащенію понятій языка малороссовъ и къ сближенію ихъ съ русскими.

Христіанская религія, сообщая народамъ новыя, откровенныя истины и внося въ народный языкъ для выраженія ихъ новыя слова, если не находитъ у нихъ этихъ словъ, — вмѣстѣ съ тѣмъ не оставляетъ безъ вниманія и тѣхъ понятій народа, которыя онъ пріобрѣтаетъ путемъ собственнаго размышленія, изученія и опыта. И эти естественныя понятія она *возвышаетъ* и *очищаетъ*. Чѣмъ ниже степень образованія какого либо народа, тѣмъ ниже его понятія о предметахъ человѣческаго знанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по неразрывной связи мысли съ словомъ, не можетъ быть высоко и выраженіе этихъ понятій. Въ обыденной простонародной рѣчи слышатся часто слова низкія или испорченныя, которыя неприличны не только для печати, но и для бесѣды о предметахъ благородныхъ, каковы истины религіи. Это общее положеніе, въ примѣненіи къ малорусской рѣчи, тре-

буетъ крайней осмотрительности въ выборѣ словъ отъ пишущаго и говорящаго по малороссійски о предметахъ вѣры. Надобно писать и говорить такъ, чтобы не столько подражать народу въ рѣчи, сколько сообщать ему умный и благоприличный тонъ и образъ выраженія. Пусть не подумаетъ кто либо, что мы этимъ рекомендуемъ создать для малороссовъ новый книжный языкъ. Нѣтъ, мы не требуемъ, чтобы малороссійская рѣчь уклонилась отъ своего собственнаго строя, мы не устраняемъ искуснаго употребленія народной рѣчи, основаннаго на глубокомъ и живомъ пониманіи духа и языка народнаго, — но предостерегаемъ отъ такого простонароднаго склада рѣчи, какимъ пытались, и очень неудачно, писать по-русски въ подражаніе простонародной молвъ. Впрочемъ складъ рѣчи много будетъ зависеть какъ отъ дарованій писателей, такъ и отъ способа раскрытія предметовъ сочиненія. Но какой бы онъ ни былъ, книжный ли или народный, во всякомъ случаѣ онъ долженъ быть благороденъ и серіозенъ въ сочиненіяхъ духовнаго содержанія. Малороссійскій народъ въ просторѣчїа часто употребляетъ слова уничтожительныя и извращенныя (дятичя, хлопчище, запуски, чортяка, Паликома, Микола и множество другихъ). Забѣните простонародныя испорченныя имена прямыми и подлинными названіями, и если нужно, объясните, почему все это дѣлаете, и простолюдинъ тотчасъ пойметъ свою ошибку, отвергнетъ свое неблагоприличное слово и приметъ ваше благороднѣйшее. Знающему хорошо малорусскую рѣчь не трудно будетъ въ ней самой найти не низкія и не пошлыя выраженія, а въ случаѣ нужды ничто не мѣшаетъ и позаимствовать ихъ въ церковно-славянскомъ или русскомъ языкѣ. Гораздо труднѣе соблюсти благородство и серіозность въ самомъ тонѣ малороссійской рѣ-

чп. Появленіе въ свѣтъ «Энеиды» Котляревскаго было истиннымъ несчастіемъ для серіозной малороссійской рѣчи. Эта удачная пародія, проникнутая отъ начала до конца неподдѣльнымъ юморомъ, ввела многихъ, особенно малознакомыхъ съ подлиннымъ характеромъ малороссійскаго слова, въ то заблужденіе, что заставляла во всякомъ малороссійскомъ сочиненіи искать чего либо смѣшнаго. Малороссійскія новѣты и драматическія піесы Основьяненка поддержали это заблужденіе. Долго у насъ иначе и не писали по-малороссійски, какъ съ тою цѣлю, чтобъ быть забавными. Но въ настоящее время и свѣтлая малороссійская литература, какъ она ни бѣдна еще, оставила это неестественное направление; тѣмъ болѣе должна отрицнуть его духовная литература. Горе тому учителю вѣры, который своею рѣчью вызоветъ улыбку на уста слушателей. Онъ теряетъ уваженіе ихъ, и вѣсть съ тѣмъ подрываетъ уваженіе и къ тому предмету, о которомъ говоритъ. Тоже должно сказать и о малороссійскихъ книгахъ, особенно духовнаго содержанія. Простомудръ имѣетъ высокое понятіе объ этихъ книгахъ; онъ ищетъ въ нихъ наставленія и назиданія, а не развлеченія и забавы, а потому ни шуточный и забавный тонъ, ни острое слово въ нихъ неумѣстны.

Наконецъ пишущій по-малороссійски встрѣчаетъ не малое затрудненіе въ правописаніи. Въ устной бесѣдѣ произношеніе обыкновенно примѣняется къ мѣстному употребленію, — но въ письмѣ оно указывается правописаніемъ. Пора бы г.г. малороссійскимъ писателямъ обратить на него серіозное вниманіе, а то у нихъ досель не установилось правильное правописаніе. Въ прежнихъ сочиненіяхъ придерживались мѣстнаго выговора и писали примѣнительно къ нему: но это, очевидно, не резонно. Максимовичъ хотѣлъ

ввести правописание въ малороссійскомъ письмѣ на разумныхъ основаніяхъ, но его правописание, вѣроятно по многосложности правилъ, признано неудобнымъ. Въ настоящее время господствующее малороссійское правописание то, какимъ пишутъ г. Кулишъ и к^о. Но и это правописание примѣнено къ мѣстному (черниговской губерніи) выговору и имѣетъ недостатки. Главнѣйшій изъ нихъ тотъ, что оно безъ нужды изгнало изъ малорусскаго алфавита буквы *ы* и *ь*. Буква *ы* вездѣ замѣнена буквою *и*,—отъ этого выходитъ иногда въ рѣчи двусмысленность. Примѣръ можно указать въ приведенномъ выше выраженіи: »Оповіданя... видано Николаемъ Костомаровимъ« и проч. Иной подумаетъ, что »Оповіданя« видѣно Костомаровымъ; а если бы напечатано было *выдано*, то это слово, хоть и не употребительное у малороссовъ въ томъ значеніи, въ какомъ здѣсь употреблено,—не приводило бы къ недоразумѣнію. Не надобно крѣпко прислушиваться, чтобы признать всѣ три буквы: *і*, *и*, *ы*, въ малороссійской рѣчи. Они слышатся въ ней даже яснѣе и раздѣльнѣе, чѣмъ въ русской,—и должны быть употребляемы тамъ же, гдѣ употребляются и въ церковно-славянскомъ письмѣ. Буква *ь* также должна быть введена въ малороссійское письмо; только въ русской рѣчи она произносится какъ *е*, а въ малороссійской должна быть произносима какъ *і*. Въ старину и употребляли дѣйствительно эту букву во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ей слѣдовало стоять въ церковно-славянскомъ письмѣ. Писали, напримѣръ, добродѣй, вѣра, грѣхъ, а произносили: добродій, віра, гріхъ. Кому случалось слышать церковное чтеніе старинныхъ причетниковъ и даже священниковъ, тотъ легко могъ примѣтить, что они букву *ь* вездѣ произносятъ какъ *і*. Но мы не имѣемъ здѣсь ни мѣста, ни намѣренія вдаваться въ под-

робности о малороссійскомъ правописаніи, а хотимъ только указать общее для него основаніе. По нашему мнѣнію, въ малороссійскомъ письмѣ должно быть принято правописаніе церковно-славянскаго языка по той причинѣ, что основаніемъ для правописанія второстепенныхъ языковъ всегда было и должно быть правописаніе языковъ коренныхъ. Русскій языкъ принялъ правописаніе церковно-славянское, почему же не принять его и малорусскому, который нисколько не далѣе какъ и русскій отъ славянскаго? Напечатанное съ церковно-славянскимъ правописаніемъ малороссійское сочиненіе было бы и правильнѣе орфографически и понятнѣе не только для малоросса, но и для русскаго. Такимъ образомъ это правописаніе послужило бы еще къ большому сближенію великорусскаго и малорусскаго народа. Кроме того, оно помогло бы народу понимать лучше и церковно-славянскія книги, къ чтенію которыхъ онъ имѣетъ великую охоту.

Оставляемъ до другаго времени разборъ: насколько вышедшія у насъ досель въ свѣтъ немногія малороссійскія книги духовнаго содержанія удовлетворяютъ требованіямъ, высказаннымъ нами. Предоставляемъ сужденіе объ этомъ пастырямъ, живущимъ въ малороссійскихъ приходахъ, потому что имъ это дѣло виднѣе. Въ этотъ разъ мы хотѣли только высказать то, каковы *должны быть* по своему языку малороссійскіе книги духовнаго содержанія, если имъ быть надобно. Но это уже другой вопросъ, который требуетъ особаго обсужденія. *

К. Дулитрашковъ.

---

* Довольно подробное и основательное рѣшеніе этого вопроса читатели Полт. Еп. Вѣд. уже видѣли въ № 19-мъ въ статьѣ: „Библиографическая замѣтка по поводу поученій на малороссійскомъ языкѣ.“

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Приемъ въ Университеты безъ экзамена. Экзамены въ Академіи. Странности. Довѣріе и недоовѣріе. Дешевое изданіе Евангелія. Помощники священникамъ ко училищу. Обезпеченіе церковно-приходскихъ школъ. Еще разъ о пѣвнѣ. Два письма Митрополита Московскаго. Помощь духовенству западныхъ епархій. Преподобноумченикъ Макарій и два документа о немъ.

Въ нынѣшній разъ начинаемъ свои извѣстія съ самой пріятной новости, которая порадуетъ какъ наше духовное юношество, такъ и родителей его. Въ Тульскихъ Еп. Вѣдомостяхъ (№ 19) извѣщаютъ: «Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія сообщилъ Г. Синодальному Оберъ-Прокурору, что по возникшему вопросу о приемѣ въ Университеты студентовъ духовныхъ семинарій, онъ призналъ курсъ семинарскаго ученія соответствующимъ гимназическому и потому нашелъ совершенно справедливымъ, чтобы воспитанники семинарій, съ успѣхомъ окончившіе общій курсъ ученія въ оныхъ, принимались въ число студентовъ университетовъ, на точномъ основаніи § 86 общаго устава Университетовъ 1863 года, безъ экзамена, съ сохраненіемъ права университета подвергать ихъ новому испытанію въ тѣхъ случаяхъ, когда университетъ признаетъ это нужнымъ.» Понятно, что эта мѣра имѣетъ важное значеніе для нашего духовенства, которое давно, такъ сказать, страдаетъ избыткомъ своихъ силъ и ищетъ для нихъ такого выхода, который принесъ бы пользу обществу и ему послужилъ бы въ честь и славу. Не даромъ въ послѣднее время духовное правительство озабочено разрѣшеніемъ такого рода вопросовъ: «отчего зависитъ, что только немногіе изъ

дѣтей духовенства, остающіеся безъ мѣсть по окончаніи курса, оставляютъ духовное званіе? Если это происходитъ отъ дѣйствительныхъ препятствій, то въ чемъ онѣ заключаются? Чѣмъ можно устранить ихъ?» и проч. Мы увѣрены, что приведенная нами мѣра — принятіе воспитанниковъ семинаріи въ университеты безъ экзамена — много поможетъ къ лучшему рѣшенію такихъ вопросовъ и даже къ устраненію ихъ.

— Въ параллель съ этою мѣрою нужно поставить извѣщеніе Киевскихъ Еп. вѣдомостей (№ 18), *оприемныхъ экзаменахъ въ Киевской Духовной Академіи*. «Общее число студентовъ, имѣвшихъ поступить въ составъ этаго (XXIII) академическаго курса, по выбору начальства и по личному желанію, было 74. Изъ этаго числа 10 не явились къ экзамену по разнымъ обстоятельствамъ; держали экзамень 64, выдержали съ удовлетворительнымъ успѣхомъ и приняты на казенное содержаніе 51; изъ остальныхъ 13-ти, неоказавшихъ удовлетворительныхъ познаній — однимъ предоставлено быть вольнослушающими впредь до усмотрѣнія ихъ успѣховъ, съ тѣмъ, чтобы они, живя въ частныхъ квартирахъ на собственномъ содержаніи, подчинились правиламъ академическаго устава относительно занятій и поведенія; — другимъ вовсе отказано отъ поступленія въ академію. Избранныхъ семинарскими начальствами для поступленія въ академію было 38, такъ называемыхъ волонтеровъ — 36.» Киевскія вѣдомости въ заключеніе этаго извѣстія пишутъ: «нельзя не пожелать, чтобы по возможности облегчилось молодымъ людямъ путь къ высшему духовному образованію.» Вполнѣ сочувствуя этому доброму желанію, мы считаемъ излишнимъ останавливать на немъ вниманіе нашихъ читателей. Прежде всего здѣсь невольно бросается въ глаза такая странность: въ то время, когда вышія У-

чебныя заведенія, состоящія въ другомъ вѣдомствѣ — университеты съ довѣріемъ открываютъ свои двери для воспитанниковъ нашихъ семинарій и принимаютъ ихъ безъ экзамена, — духовныя академіи подвергаютъ ихъ экзамену и притомъ такому, что изъ 64-хъ человекъ — 13 признаны неудовлетворившими требованіямъ академіи. До какихъ же поръ будетъ держаться эта система недовѣрія и постоянного контролированія? Не пора-ли оставить ее и намъ, какъ она оставлена Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія? *Другая странность* та, что семинаріи посылаютъ въ академіи, какъ извѣстно, самыхъ лучшихъ своихъ воспитанниковъ и что-же? — Очень нерѣдко они оказываются неспособными поступить въ число слушателей академіи. Отчего это происходитъ? Какъ это даже можетъ случаться? Здѣсь возможны три предположенія: или академіи требуютъ отъ экзаменуемыхъ больше того, чѣмъ сколько слѣдуетъ, или семинаріи не знаютъ, чего у нихъ будутъ требовать, или же онѣ наконецъ не въ состояніи удовлетворить этимъ требованіямъ. Думаемъ, что каждое изъ этихъ трехъ предположеній имѣетъ свое основаніе и свое значеніе въ той странности, которую мы выше выставили на видъ; но полагаемъ, что такъ не должно быть и не можетъ впередъ быть. — Академіи усвоили себѣ еще одну привиллегію: они и экзамена удостоиваютъ только *студентовъ Семинарій*, т. е. отличныхъ учениковъ, а обыкновенныхъ *воспитанниковъ* т. е. большинство окончившихъ курсъ не допускаютъ къ себѣ и на глаза. Эти воспитанники не должны и мечтать объ академическомъ образованіи. Не можемъ удержаться, чтобъ не сказать, что это новая *странность*. Академіи вѣдь извѣстно, что *воспитанники* не попали въ число *студентовъ* по суду семинарскаго начальства. Но суду этого

начальства академія очевидно не довѣряетъ, когда переэкзаменовываетъ даже тѣхъ, которыхъ семинарія признала отличнѣйшими изъ отличныхъ. Значить, она, идя по тому же пути далѣе, должна не довѣрять этому начальству и относительно воспитанниковъ и ихъ переэкзаменовывать, тѣмъ болѣе, что по опыту извѣстно, что весьма перѣдко между этими воспитанниками бываютъ дѣльные и сильныя головы, загнанныя во 2-й разрядъ только силою семинарскихъ обстоятельствъ. Такъ, вѣдь, читатель? Между начальникомъ и подчиненнымъ, между высшимъ учрежденіемъ и зависящимъ отъ него низшимъ, можетъ и должно быть или полное довѣріе, или-же — чего Боже сохрани! — полное недовѣріе; *полудовѣріе-же* здѣсь не должно имѣть мѣста, такъ какъ оно неуспокоительно для высшаго и вмѣстѣ обидно — унижительно для низшаго.

— Но довольно объакадеміяхъ и университетахъ. Спустимся пониже къ нашимъ сельскимъ школамъ, къ нашему жаждущему грамотности и образованія простонародью. И для него есть отрадныя вѣсти Комитетъ грамотности, учрежденный при Импер. Вольномъ Эконом. Общ. въ отчетѣ о своей дѣятельности (см. Сынъ От № 235) сообщаетъ, что имъ исходатайствовано *изданіе Евангелія цѣною въ 7 коплекъ* за экземпляръ. Нечего распространяться, какая это важная услуга для народа и его духовно-нравственнаго образованія — Тамъ-же находится извѣстіе, что въ особыхъ заведеніяхъ приготавливаются комитетомъ молодые люди, которые современемъ сдѣлаются *помощниками сельскихъ учителей* — священниковъ. Если это мѣра будетъ приведена въ исполненіе въ значительныхъ размѣрахъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что она окажетъ большую помощь священникамъ — учителямъ. Они въ ней очень и очень нуждаются, какъ это ясно показано въ

прошломъ № нашихъ Вѣдомостей.* — Церковно-приходскія училища въ Кіевской Епархіи, видно, привились крѣпко. Тамошнія Епархіальныя вѣдомости почти въ каждомъ № извѣщаютъ о приговорахъ сельскихъ обществъ, касающихся обезпеченія училищъ. Последний полученный нами № 18-й сообщаетъ извѣстія такого рода изъ Уманскаго, Сквирскаго и Каневского уѣздовъ. Обезпеченія эти очень разнообразны: большею частію общества назначаютъ пожертвованія съ каждой мужеской наличной души около 10 к. серебромъ въ годъ; во многихъ обществахъ назначено пожертвованіе другого рода: — съ каждаго супружества по 30 коп., что, по примѣрному расчисленію, должно доставить около 75 р. въ годъ; въ иныхъ же просто назначена плата съ каждаго учащагося, отъ которой не можетъ отказаться ни одинъ родитель, такъ какъ она опредѣлена по приговору всего общества. Желательно знать, дѣлается ли у насъ что нибудь подобное?

— Въ №№ 19 и 20-мъ нашихъ Вѣдомостей были помѣщены замѣтки о средствахъ къ улучшенію церковнаго пѣнія и указана лучшая для этого мѣра — обученіе пѣнію дѣтей, обучающихся въ сельскихъ церковно-приходскихъ школахъ. Въ Тамбовскихъ Вѣдомостяхъ (№ 19) мы встрѣтили статейку подъ заглавіемъ «Пѣніе.» Въ ней Свящ. А. Соловьевъ рассказываетъ, какъ онъ, идучи однажды полемъ, услышавъ стройное пѣніе Херувимской пѣсни и подойдя къ пѣвцамъ, былъ растроганъ, узнавъ въ нихъ своихъ учениковъ, оравшихъ поле. Какъ не радоваться наставнику — священнику, когда онъ слышитъ и видитъ, что питомцы его, даже и за земледѣльческою полевой работою, употребля-

* См. статью: Нѣкоторыя соображенія о средствахъ къ улучшенію церковно-приходскихъ училищъ. Стр. 285, 286 и 292.

ютъ не пустыя какія либо пѣсни, но пѣсни духовныя — славословіе Богу? «И тутъ-то я вспомнилъ, пишетъ святицъ Соловьевъ, слова Преосвященнѣйшаго нашего Владыки (Феофана)*; слова эти были какъ-бы пророческія и теперь исполнились предо мною на дѣлѣ. «Если ты», сказалъ онъ между прочимъ въ архипастырскомъ письмѣ, дѣлая мнѣ въ ономъ отеческія наставленія, какъ и чему обучать въ школь дѣтей, «если ты заставишь дѣтей полюбить церковное пѣніе,—увидишь, какъ и поля и дома будутъ оглашаться священными гимнами, — и порадуешься. Чѣмъ больше они будутъ знать изъ пѣсней церковныхъ, тѣмъ лучше... Послѣ, дома — вмѣсто срамныхъ пѣсней, будутъ пѣть церковныя. Какъ-бы дойти до сего!»

Да, какъ-бы и нашимъ отцамъ Полтавской Епархіи дойти до того, чтобы ихъ ученики были провозвѣстниками славы Божіей и въ храмахъ, и въ домахъ и на поляхъ! А вѣдь достигнуть этаго не такъ трудно: стоитъ только взяться за дѣло съ усердіемъ.

— Орывокъ изъ письма Преосвященнаго Феофана напомнилъ намъ о двухъ замѣчательныхъ письмахъ другаго нашего славнѣйшаго святителя — Митрополита Московскаго. Одно изъ этихъ писемъ писано Высокопреосвященнымъ къ его племяннику, о выборѣ званія, а другое — къ начальнику одного изъ духовно-учебныхъ заведеній — о куреніи табаку. Приводимъ оба эти назидательныя письма вполнѣ.

«I. Съ заботою, А М., прочиталъ я твою заботу. Буду отвѣтствовать по возможности.

«При наклонности къ ипохондріи, монашеская жизнь съ ученными трудами, соглашаюсь, не удобна. Напротивъ была

* Нынѣ Епископъ Владимірскій и Суздальскій.

бы удобна и полезна простая монашеская жизнь, при искусномъ наставникѣ, къ которому есть довѣренность и любовь; но сіе найти не легко въ нынѣшнее время.

«Мысль, какъ смотреть нынѣ на духовенство, ничего не значитъ для выбора сего званія. Мало ли какъ смотреть и на христіанство? Сказано: *горе, егда добръ рекуть вамъ* (о васъ) *всеи челоуцы* (Лук. 6. 26.); а нигдѣ не сказано, чтобы бѣда была, когда иные худо смотрять.

«Если мало пастырей духовно пасущихъ: надобно ревновать о умноженіи оныхъ, а не презирать званіе. Илій и дѣти его были не духовные пастыри; виноваты; наказаны: все сіе не помѣшало при нихъ образоваться во храмъ Самуилу. Что, если бы мать его стала разсуждать такъ: нѣтъ нынѣ духовныхъ пастырей, лучше отдать Самуила въ военную службу, нежели во храмъ; а какъ и сія служба у Евреевъ не въ устройствѣ, то къ Филистимлянамъ?»

«Кто не чувствуетъ иного побужденія къ вступленію въ духовную службу, кромѣ наемническаго, чтобы имѣть хлѣбъ: тому лучше не вступать въ оную. Но кто видитъ, что призывается въ оную рожденіемъ, воспитаніемъ, склонностію и бонтею духа наемничества: тотъ можетъ вступить въ оную, давъ себѣ слово выбирать мѣсто не то, которое выгоднѣе, но то, на которомъ удобнѣе приносить нѣкоторую пользу чадамъ церкви.

«Рѣшать важныя дѣла жребіемъ былобы всего легче; не надобно бы ни разсудка, ни опытности, ни испытанія себя, ни трудовъ изслѣдованія. Но изъ сего можно заключить, что жребій позволенъ не въ тѣхъ случаяхъ, кои рѣшаютъ трудъ и разумъ. По нуждѣ и по вѣрѣ чрезъ жребій можно найти волю Провидѣнія. Лѣнящемуся разсуждать, и вопрошающему жребіемъ Провидѣніе не обязано отвѣтствовать; ма-

довѣрному неудобно воспользоваться отвѣтомъ, хотя бы онъ и данъ былъ; онъ въ искушеніи перетолковать, или вовсе не исполнить.

«Церковь челоуѣколюбива въ томъ, что образуетъ людей, и плоды сего уступаетъ иной службѣ. Можно съ покойною совѣстію пользоваться таковымъ ея снисхожденіемъ. Но надобно разсматривать, что найдутъ въ свѣтской службѣ? Неужели праздность и выгоды? Но и это было бы незавидно. Надобно желать полезнаго, посильнаго труда столько же, какъ честнаго пропитанія. А чѣмъ трудъ канцелярскаго чиновника легче и вкуснѣе, нежели трудъ преподавателя греческаго языка въ Духовной Академіи? Сидеть надъ кипюю бумагъ, составляющихъ судебное, счетное, или какое угодно дѣло, могущее быть въ рукахъ свѣтскаго чиновника, и производить надъ оными работу безплодную для ума и для сердца, подлинно ли такъ весело, что ипохондія не сибеть и приблизиться къ господину чиновнику?

«Надобно кончить. Я спрашивалъ моего родителя о выборъ званія. Онъ отвѣтствовалъ: испытывай себя. Что сказалъ отецъ сыну, болѣе того не можетъ сказать дядя племяннику. 7-го Марта, 1830 года.»

II. «Извѣстно вамъ, отецъ ректоръ, замѣчаніе одной высокой особы, что въ комнатахъ студентовъ ввѣреннаго вамъ учебнаго заведенія есть запахъ табака.

«Непріятно думать, что особы, которыхъ сужденіе столь же достойно глубокаго уваженія, сколь чиста ихъ нравственная мысль, будутъ видѣть между получающими высшее образованіе къ духовной службѣ людей порабощенныхъ суетной прихоти, выдуманной мимо природы. Если противъ сего нѣтъ запрещающаго предписанія, то потому, что желательнѣе было оказать довѣріе благоразумію людей уже не дѣтскаго ума.

«Не странно ли, что люди изобрѣли себѣ новаго рода голодь, котораго природа не знала, и новаго рода пищу, о которой она не думала, посредствомъ привычки сдѣлали себя рабами самой неестественной прихоти и умножили число своихъ нуждъ, сдѣлавъ необходимымъ излишнее?»

«Изобрѣтеніе, чуждое порядка природы и благоразумія, перестаетъ ли быть таковымъ потому, что многими принято?»

«Люди, имѣющіе притязаніе на добромудріе, должны ли слѣпо принимать обычай, принятый другими потому, что они не приняли труда подумать?»

«Древній законъ говорилъ служителямъ алтаря: *вина и сикера не пійте, егда входите въ скинію свидѣнія, или приступающимъ вамъ ко алтарю* (Лев. 10, 2.), хотя вино кромѣ сего случая благословлено было къ употребленію, и даже удостоено быть приносимымъ къ алтарю. Никто не станетъ спорить, что христіанскій алтарь требуетъ еще большаго благоговѣнія, нежели ветхозавѣтный.

«Позволительно ли служителю алтаря христіанскаго, приносить къ нему не запахъ вина, естественно употребленнаго, но смрадъ по неестественной прихоти употребленной ядовитой травы? И не долженъ ли готовящійся къ сему служенію предварительно остеречься, чтобы не основать въ себѣ привычки, несообразной съ достоинствомъ служенія?»

«О естественномъ и законномъ употребленіи сказалъ Апостолъ: *не имамъ ясти мяса во вѣки, да не соблазню брата моего* (1 Кор. 8, 13.). Неужели служащій алтарю, или готовящійся къ сему служенію рѣшится сказать напротивъ: буду угождать неестественной прихоти; пусть соблазняются!»

«Скажутъ ли: предметъ маловажный, и не требуетъ строгаго вниманія? Но вы почему же не откажетесь отъ на-

доважнаго предмета и держитесь за него упорно, и хотите, чтобы другіе отказались отъ справедливаго сужденія противъ него въ пользу вашей прихоти?

«Маловажно ли сіе слово: *горе челоуьку тому, имъ же соблазнъ приходитъ?* Отдаю сіе на размышленіе ваше и ввѣренныхъ вашему руководству. Мнѣ надлежало исполнить мой долгъ; желаю, чтобы вы исполнили вашъ. 8 Октября 1855 года.» *

— Западные наши губерніи уже почти совершенно умиротворены. Никакихъ шаекъ и никакихъ военныхъ дѣйствій въ нихъ давно нѣтъ. Но и правительству и обществу тамъ предстоятъ важныя гражданскія, мирныя завоеванія. Правительство сознаетъ свой долгъ и съ усердіемъ исполняетъ его, не забывая поощрять и общественную дѣятельность къ помощи бѣдствующимъ собратіямъ нашимъ. Не такъ давно обнародовано было распоряженіе объ учрежденіи во всѣхъ Церквахъ Имперіи кружекъ на учрежденіе училищъ въ западномъ краѣ. Теперь духовное Начальство исходатайствовало новую милость тамошнему духовенству, которое, замѣтимъ кстати, среди недавнихъ волненій и безпорядковъ, съ твердостью и честью исполнило свое тяжкое и многотрудное, но важное и полезное, призваніе. «Высочайше учрежденное Присутствіе по дѣламъ Православнаго Духовенства, принимая во вниманіе, что нынѣшнее неудовлетворительное въ матеріальномъ отношеніи положеніе православнаго духовенства въ западномъ краѣ, гораздо менѣе обезпеченнаго въ средствахъ содержанія, нежели римско-католическое, естественно препятствуетъ развитію его гражданскаго значенія и особенно вредно при совершающихся въ этомъ краѣ событіяхъ и при усиливающейся

* Душен. Чт. 1863 г. Сентябрь стр. 81—88.

дѣтельности Латино-Польской пропаганды, Всеподданнѣйше представляло Его Императорскому Величеству о необходимости принятія мѣръ, которыя могли бы безъ промедленія времени послужить сколько нибудь къ облегченію затрудненій, въ которыхъ находится духовенство западнаго края и полагало для сего необходимымъ отпустить изъ казны съ нынѣшняго же года нѣкоторую сумму въ видѣ особаго пособия для сего духовенства. Поэтому представленію отпущено на улучшеніе быта православнаго духовенства въ западномъ краѣ *двѣсти тысячъ* рублей. Эти деньги распределяются между всѣми западными епархіями, сообразно ихъ нуждамъ. На Виленскую назначено 15,000 руб. серебр., на Гродненскую 25,000 р. для Ковенской—2000 р. для Каменьць-Подольской—28,000 рублей. О количествѣ пособия, назначеннаго для другихъ западныхъ епархій еще нѣтъ свѣдѣній.

— Новыя, недавнія страданія невольнo напоминаютъ прежнія, давно прошедшія. И прежде православные бѣдствовали въ этомъ краѣ и терпѣли еще большія угнетенія. Приснопамятный свидѣтель этихъ бѣдствій находится въ средѣ нашей Епархіи: мы разумѣемъ Святаго Преподобномученика Макарія, Архимандрита Овручскаго, котораго мощи нетлѣнно почиваютъ въ Переяславѣ. Въ послѣднемъ № Черниговскихъ Епархіальныхъ извѣстій (19-иъ) мы встрѣтили два очень важные документа, относящіеся къ лицу св. Преподобномученика. Это—два письма Лазаря Барановича, бывшаго Архіепископа Черниговскаго. Одно—до Пана Гетьмана—рекомендательное, другое къ самому Архимандриту Макарію—утѣшительное. Замѣчательно особенно послѣднее. Въ немъ Архіепископъ, утѣшая Преподобнаго въ его скорбяхъ, предсказываетъ ему его прославленіе свыше. Оба

письма невелики и мы приводимъ ихъ вполнѣ, полагая, что каждая подобная строка, касающаяся нашей мѣстной святыни, должна имѣть особенную цѣну въ глазахъ благочестивой паствы Полтавской.

I. *До пана гетмана.* Его милость о. архимандритъ Овруцкій, не могучи на архимандріи своей спокойного мѣти пожитка и знищеній оразъ ордами и ляхами, утративши челядь, которыхъ позабіяно и речи его побрано, запустился билъ на поклоненіе мѣсцамъ святымъ до Кіева, же мой рукоположенецъ посѣтилъ мя яко сынъ отца и бѣди свои виличалъ. Его милость теди якъ челоуѣка зацного и въ церкви Божой заслужоного рачъ вельможность твоя вдячне приняти и ему яко годному вѣры вѣру во всемъ дати.*

II. *Къ отцу архимандриту овруцкому мая 16 1671 года.* Весьма собользную о томъ приключеніи, котораго вы и отклонить не могли. Въ озлобленіи этомъ ищите утѣшенія въ одномъ Богѣ, который кого любитъ, того и наказываетъ. Вы находитесь какъ роза между шипами: она растеть между ними, а они ей ни чуть вредить не могутъ; будете долго еще процвѣтать въ церкви Божіей, — какъ въ вертоградѣ, — доколь не достигнете небесаго. — И Христось не легко приобрѣлъ тотъ вѣнецъ, которымъ теперъ Онъ украшенъ; сперва на земли перенесъ терновыя на главѣ Своей колючки, и за тѣмъ получилъ на небеси вѣнецъ неуывдаемый. — Умветъ Господь избавить благочестивыхъ отъ йскушенія (2 Петр. II, 9). Много золь праведнику, но Господь отъ всехъ избавить его (Псал.

* Письмо писано о блаж. Макаріѣ Овруцкомъ. Ограбленіе и опустошеніе Овруцкой обители совершено конечно въ тоже время, какъ полковникъ Пиво ограбилъ имѣнія братскаго монастыря и убилъ нѣсколькихъ монаховъ, что было 3 мая 1671 г. Памят. кiev. ком. II, 257—266.

XXXIII, 20). Крѣпко хотѣлось мнѣ жить по пріятельски съ вами у всемілостиваго Спаса, или гдѣ бы вамъ понравилось; но теперь этихъ мѣкъ не деруть уже; прежде гораздо удобнѣе было отыскать мѣсто, нежели теперь; въ настоящее время и сами видимъ хаббъ въ изнуреніи (№ СXXXVI, 2), но готовы подѣлаться съ вами тѣмъ же, потому что другаго нигдѣ нѣтъ, развѣ только тамъ, гдѣ ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе.—Желаю вамъ послѣ многихъ лѣтъ многихъ обителей въ небѣ, и съ молитвами поими благословеніе препосылаю.»

Такимъ же благожеланіемъ заключаемъ на этотъ разъ и мы свои замѣтки

Н. Даниленко.

СВЪЯВЛЕНІЕ

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ текущаго 1863 года журналъ «ДУХЪ ХРИСТІАНИНА» начинаетъ третій годъ существованія.

«ДУХЪ ХРИСТІАНИНА» будетъ издаваться и въ будущемъ 1863/4 году по тойже, утвержденной Св. Синодомъ, программѣ, по которой онъ издавался въ прошедшемъ и настоящемъ годахъ.

Годовое изданіе (12 книжекъ) стоитъ 4 рубля серебр. съ пересылкою.

Содержаніе: I. Участіе духовенства въ сверженіи ига Монгольскаго и въ торжествѣ надъ поработителями. II. Нѣсколько словъ о духовныхъ училищахъ. III. Нѣсколько словъ о малороссійскихъ сочиненіяхъ духовнаго содержанія. IV. Разныя новѣсти и замѣтки. V. Объявленіе.

Редакторъ, *Ивотъ, Н. Дулитрашко.*

Печатать позволено 1863 г. Октября 28 дня. Цензоръ, *Прот. Батрачанъ.*

Полтава. Въ типогр. Н. Циурганю.